

А.Б. Волынчук

РОССИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ВЕКТОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ*

Волынчук Андрей Борисович – кандидат географических наук, доцент кафедры мировой экономики Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС).

В статье рассмотрены вопросы, связанные с формированием геополитических интересов России в Северо-Восточной Азии. Предложена временная периодизация процесса геополитического освоения территории Дальнего Востока. В её основу положены поэтапные изменения направленности геополитических интересов страны в этом регионе.

Ключевые слова: *геополитическое исследование, геополитическое освоение территории, политико-территориальные процессы, Дальний Восток.*

The questions connected to formation of Russian geopolitical interests in Northeast Asia are considered in this article. There is the chronological periodization of the process of geopolitical developing of the Far East territories. This periodization is based on the phased changes of an orientation of country geopolitical interests in this region.

Key words: *geopolitical research, retrospective analysis, geopolitical mastering of the territory, political/territorial processes, Far East.*

Уже четыре столетия Россия является активным участником всех геополитических процессов, протекающих в пределах Северо-Восточной Азии (СВА). Казалось бы, что за этот, весьма продолжительный срок геополитические предпочтения страны должны были быть ясно сформулированы и иметь чёткие очертания. Однако современное состояние дел России на её дальневосточных рубежах не позволяет с уверенностью говорить об этом. Несмотря на видимое усиление геоэкономической и геополитической активности в западных регионах страны, на Дальнем Востоке Россия по-прежнему находится в своеобразном «нокауте». Длительное, более двадцати лет, отсутствие сколько-нибудь внятной позиции по дальнейшему обустройству своих восточных земель привело не только к катастрофическому ухудшению социально-экономического состояния дальневосточного региона, но и к изменению геополитического баланса сил в СВА. И, к сожалению, эти изменения произошли не в нашу пользу. Хочется верить, что ситуация не преодолела «точку невозврата». В противном случае XXI столетие может стать для России веком громадных территориальных потерь.

В чём критичность нынешнего положения? Верно ли утверждение, что современная ситуация полностью девальвировала систему геополитических интересов, рождённых

прошлыми этапами геополитического освоения Дальнего Востока? Данная статья является поиском ответов на эти и другие вопросы становления России в Северо-Восточной Азии.

Предваряя анализ обозначенной темы, есть необходимость более подробно остановиться на категории «геополитического интереса», так как известно, что «опираясь на знания о направленности интересов того или иного фактора мировой политики, можно с достаточно высокой степенью достоверности проследить его стратегический курс» (9, 30).

Особое значение в формировании геополитических интересов имеют географические факторы, так как именно они являются некой естественной константой, влияющей на политико-территориальную жизнь государства. Общеизвестно, что география представляет собой самый стабильный фактор могущества государства.

Геополитический интерес представляет собой пространственную схематизацию стратегических целей государства, достижение которых напрямую связано с эффективным использованием всего комплекса имеющихся в распоряжении государства ресурсов, расположенных в данном регионе мира.

Процессы освоения территории обладают не только пространственными параметрами, но и временными, сущность которых заключена в объективном наличии внутренней хронологии развертывания любого процесса. Не является исключением из этого правила и ход геополитического освоения территорий. Существование многих современных проблем как социально-экономического, так и геополитического плана, во многом определяется особенностями первоначальных этапов развития территорий. О состоянии дел, определивших нежелательные диспропорции и перекосы в формировании отдельных регионов, зачастую можно судить по конкретным ретроспективным «срезам», которые позволяют восстановить первоначальные источники тех или иных геополитических устремлений государства. Наконец, важно подчеркнуть, что до сих пор остаются нереализованными возможности ретроспективного подхода в работах, посвященных проблемам становления политико-территориальной организации отдельных регионов.

Учитывая это, можно предположить, что каждому крупному региону свойственна собственная периодизационная линия, которая даёт представление о специфике и стадийности его развития в системе пространственно-временных связей. При детальном изучении динамики российской инвазии в СВА чётко прослеживается разнонаправленность освоенческих процессов и геополитических устремлений. Этот факт даёт основание для проведения внутренней хронологической стратификации всего российского периода освоения региона и позволяет разбить его на семь этапов.

Этап 1. – (30-е гг. XVII в. – конец XVII в.).

Этап 2. – (XVIII в. – середина XIX в.).

- Этап 3. – (середина XIX в. – 1905 г.).
- Этап 4. – (1905 г. – 1945 г.).
- Этап 5. – (1946 г. – 60-е гг. XX в.).
- Этап 6. – (70-е гг. XX в. – начало 90-х гг. XX в.).
- Этап 7. – (начало 90-х гг. XX в. - современность).

Причины, побудившие Россию начать в XVI в. территориально-политическое продвижение за Урал, получили в специальной литературе достаточно широкое освещение. Поэтому здесь уместно лишь отметить, что к середине XVII в. Российское государство вышло к очередному естественному рубежу, который пролегал тогда по горной дуге Алтай–Становой хребет–Джугджур–Верхоянский хребет. Дальнейшее продвижение обозначилось в восточном и юго-восточном направлениях, что объяснялось поиском территорий богатых пушниной и способных стать базой обеспечения Сибири хлебом.

Последняя из этих проблем в текущий момент заметно тормозила процесс колонизации, и потому была наиболее острой. В этой связи сведения, полученные об Амуре, как о реке, в долине которой возможно земледелие, обозначили первый конкретный интерес России в Северо-Восточной Азии. Однако, продвигаясь на юго-восток, русские не имели внятного представления о политико-территориальном устройстве и раскладе сил в регионе. В результате их форпосты расположились всего в 375 км от исторического ядра маньчжурской Империи Цин. Первоначально деятельность пришельцев на Амуре не вызывала у маньчжурских властей особой тревоги, но позже ситуация резко изменилась. Империя успешно закончив войну в Китае, переключила внимание на северные границы своих владений. Тем более, что в её распоряжении оказался почти весь военно-экономический потенциал побежденной страны. Что же касается России, то против неё играло и расстояние (огромное удаление Приамурья от освоенных регионов страны), и время (государство всё ещё не оправилось от потрясений первой половины XVII в.).

На открытое столкновение с Россией Империя Цин пошла лишь в 1682 г. Несмотря на огромное неравенство сил, борьба затянулась на семь лет и закончилась в 1689 г. подписанием Нерчинского договора, по которому российская сторона сворачивала свою деятельность в Приамурье на условиях весьма неопределённого разграничения.

На этом - первом этапе для возникновения чётких геополитических интересов в СВА Россия не обладала необходимым знанием о регионе. Приоритет имели исключительно хозяйственные цели: пушнина, плодородные земли. Конкретизация позиций сконцентрировала российскую активность на хозяйственном освоении плодородных земель Приамурья. Поэтому главным итогом этапа стало формирование комплекса первоначальных

политико-территориальных представлений о всей Северо-Восточной Азии, включая природно-климатические условия отдельных территорий, государственное устройство стран, уровень их экономического развития и баланс сил в регионе.

Неготовность и нежелание России обострять отношения Китаем, заставили её сместить устремления в северную часть региона, тем самым начать второй этап геополитической колонизации СВА. В 1697 г. русские вступили в пределы Камчатки, а в 1711 г. – Чукотки. Дальнейшее наращивание активности требовало обеспечения политической стабильности России вдоль линии разграничения с Империей Цин. В результате значительных дипломатических усилий был заключён Буринский договор (1727 г.), определивший конфигурацию границы от Алтая до Среднего Амура. Эта договорённость гарантировала России спокойствие на южном фланге её дальневосточных владений и давала возможность усиления экспансии в Полярном регионе.

В результате в период с 1738 по 1786 гг. подданными России стали не только аборигены Курил, Камчатки и Чукотки, но и часть племён, населявших Аляску и западное побережье Северной Америки. В результате, Россия оказалась лидером территориально-политической активности в значительной части Северной Пацифики. Однако выйдя за пределы Северо-Восточной Азии, Россия вошла в плотное соприкосновение с ведущими европейскими государствами того времени: Великобританией, Францией, Испанией, которые также искали пути расширения своего влияния в регионе. В число стран – геополитических конкурентов России в Северной Пацифике вошла также и Япония. Занятие русскими Курил она расценила как вызов своим резервным планам относительно остатков Островного сектора.

Качественно новые вызовы возложили на северо-восточный сектор Дальнего Востока специфическую функцию плацдарма, обеспечивающего продвижение русских в Северной Америке. Однако с этой задачей ему справиться не было суждено. Из-за причин, технически и технологически непреодолимых в XVIII – начале XIX вв., российский Северо-Восток не мог обеспечить не только Аляску, но и себя, продовольствием, снаряжением, инвентарём и вооружениями собственного производства. Выполнять функцию плацдарма экспансии на Североамериканском континенте он мог в ограниченном масштабе, и лишь при благоприятной региональной геополитической конъюнктуре. Едва она начала меняться в худшую сторону, все слабые стороны Северо-Востока обозначились с предельной ясностью и приобрели угрожающие перспективы.

Ухудшение ситуации пришлось на время царствования Николая I, когда резко обострилась англо-русские противоречия. В 1849 г. русские установили свою юрисдикцию над устьем Амура и Сахалином (1). Далее Россия объявила своим владением Нижнее Приамурье к востоку от линии хребет Джагды – устье Сунгари (1853 г.). Эти

действия не вызвали протеста со стороны Империи Цин. Иначе на произошедшее смотрела Великобритания.

Крымская война (1854-1856 гг.) стала апогеем англо-российских противоречий. Англичане и их союзники не скрывали, что намерены получить крупные территориальные приобретения за счёт дальневосточной России. Однако англо-французский экспедиционный корпус потерпел поражение у Петропавловска-Камчатского (1854 г.), Николаевска-на-Амуре и Императорской Гавани (1855 г.) (11, 225). Поэтому, какими бы ни оказались общие итоги Крымской войны, Россия отстояла право оставаться тихоокеанской державой. И этот факт достаточно быстро принёс геополитические плоды. Став свидетелем разгрома англо-французских интервентов, Япония существенно смягчила свою позицию, утвердив в Симодском договоре (1855 г.) прохождение границы между островами Итуруп и Уруп. Не менее важный успех ожидал Россию и на континенте.

Итоги второго этапа геополитической деятельности России в СВА оказались неоднозначными. С одной стороны Петербург с полной ясностью осознал уязвимость своих американских владений. С другой, страна обозначила себя на фоне новых территориальных приобретений в бассейне Амура, которые требовали значительных усилий для освоения. Пожалуй, впервые за свою историю, страна испытала «бремя суверенного пространства». Следствием этой проблемы стало принятие достаточно рискованного проекта «временного сжатия». Согласно ему, Россия сосредоточилась на политико-экономической интеграции «ближнего пояса» – Приамурья, Приморья, Сахалина и Камчатки.

Отдалённость Дальнего Востока от экономически развитых районов центральной России создавала проблему продовольственной безопасности восточных окраин. Поэтому правительство сразу же оказалось перед необходимостью насытить дальневосточный край людьми, способными, во-первых, обеспечить неприкосновенность установленных границ, во-вторых, освоить богатые земельные ресурсы. Идеальным претендентом на это роль оказалось Забайкальское казачье войско.

Важный сдвиг в заселении Дальнего Востока произошел после проведения в России крестьянской реформы. Это обстоятельство, в сочетании с льготными условиями переселения на целину Амуро-Зейской и Приханкайской равнин, создало ситуацию миграционного бума: если в 1860 г. в Приамурье и Приморье проживало около 5 тыс. человек, то через 10 лет – более 200 тыс. российских подданных и около 50 тыс. иностранцев. По инвестиционной привлекательности Дальний Восток уступал только столичным округам и Польше, находясь на одном уровне с Донбассом и Уралом. В результате уже к 70-м гг. XIX в. на каждого жителя в среднем производилось 39 пудов пищевого хлеба (при норме 20 пудов).

Решающее воздействие на геополитическое становление региона оказало начавшееся в 1892 г. строительство Транссибирской магистрали. Этот транзитный евроазиатский путь сразу обрёл не только мировое экономическое значение¹, но и стал причиной крупных политических перемен. Россия «сшивала» воедино «нитью» железных дорог свои окраины с центром страны и, таким образом, усиливала своё присутствие на берегах Тихого океана. Этот факт не устраивал Японию, которая, возвращая идею континентальной экспансии, считала Россию основным препятствием на пути её осуществления².

Первой жертвой растущего японского империализма стал цинский Китай. Причём масштабы японского аннексионизма вызвали у России крайнее беспокойство. Поэтому она самым решительным образом вмешалась в определение итогов японско-китайской войны (1894-1895 гг.). Поставленная в стесняющие условия³, Япония отказалась от претензий на Квантунский полуостров. Но стремление «рассчитаться» с Россией отныне стало одним из тайных лейтмотивов её политики.

Сразу же по окончании японско-китайской войны, Россия предоставила Пекину заём на модернизацию армии. За ним последовало заключение российско-цинского соглашения о сотрудничестве и взаимной обороне. В 1898 г. был подписан договор о строительстве КВЖД. Кроме того, Россия на относительно короткий срок (25 лет) взяла в аренду Квантунский полуостров.

В 1903 г. Российская империя объявила о создании Дальневосточного наместничества с центром в Порт-Артуре. Это решение «взорвало» ситуацию в регионе и стало причиной русско-японской войны. Кампания оказалась для русских неудачной. Они проиграли четыре генеральных сухопутных сражения и два морских, потеряв Порт-Артур. В результате Портсмутского мирного договора (1905 г.) Россия утратила Южный Сахалин, Квантун и свою долю концоминиума Южно-Манчжурской железной дороги. Она признала установление режима японского протектората над Кореей. Помимо территориальных потерь провалом завершилась широко декларированная геополитическая заявка на образование в Северо-Восточной Азии зоны российского трансграничного влияния.

К счастью, период анализа ошибок и поиска ответов на вопрос «кто виноват?» продлился недолго. Россия быстро сделала необходимые выводы. После подавления революции 1905-1907 гг. она взяла курс на укрепление своего присутствия на Дальнем

1 Доставка грузов из Парижа в Тяньцзинь по Транссибу оказывалась на 10 суток быстрее, чем по открытому в 1869 г. Суэцкому каналу.

2 О строительстве Транссибирской магистрали видный политический деятель (с 1889 г. – премьер-министр) Японии А. Ямагата заметил: «Через десять лет, когда Трансиб будет завершён, Россия, несомненно, захватит Монголию и протянет руки к Китаю» (10, 83).

3 На рейде японского города Симоносеки, где шли переговоры с цинской делегацией, находилось 38 военных кораблей германо-франко-российской эскадры. Из них 17 были русскими.

Востоке. По объёму внутригосударственных инвестиций Дальний Восток вышел на первое место в стране. Были приняты дополнительные меры по привлечению в его пределы переселенцев. Началась техническая модернизация КВЖД и строительство Амурской линии Транссиба. Состоялась генеральная реконструкция порта Владивосток⁴. Тем самым, Россия показала, что поражение в войне с Японией не даёт оснований для исключения её из числа ведущих держав Северо-Восточной Азии.

Таким образом, четвёртый этап развития геополитических интересов России на Дальнем Востоке был подчинён восстановлению ранее утраченных позиций. Именно сохранение этой цели в качестве приоритетной, даже при изменении политического строя в стране, позволило объединить годы, разделённые Октябрьской революцией, в одном этапе.

Разлом российского общества на враждебные лагеря, в результате революции гражданской войны и интервенции (1917-1922 г.), не внёс кардинальных изменений в созданную ранее геополитическую парадигму. Какая бы власть не установилась в стране, её представители выступали за сохранение территориально-политических позиций России на Дальнем Востоке. Большинство лидеров Белого движения исходили из концепции «единой и неделимой России». И поскольку они неизменно отказывали интервентам в прямых или скрытых территориальных уступках в обмен на усиление военной помощи, их положение оказалось, в конечном итоге, крайне сложным⁵. Аналогичную позицию занимало и руководство большевиков, для которого даже столь рискованный шаг как создание Дальневосточной республики (1920-1922 гг.) было ни чем иным, как политическим манёвром, необходимым для подготовки наступления от Байкала до Владивостока (7, 339; 8, 302).

Абстрагируясь от внутригосударственной стороны конфликта 1918-1922 гг., вступление Красной армии во Владивосток, на уровне международных отношений, следует рассматривать как факт удержания Россией Дальнего Востока.

Тем не менее, сложность территориально-политического положения советского Дальнего Востока в 20-х – начале 30-х гг. XX в. была очевидной. Его общий геополитический потенциал был ослаблен хозяйственной разрухой, депопуляцией населения, устаревшим уровнем коммуникационной связи с центром страны. Ситуация усугубилась после оккупации Маньчжурии Японией (1930 г.). Это событие актуализировало для СССР проблему восстановления регионального геополитического потенциала Дальнего Востока и, в частности, его военно-промышленной составляющей.

4 Здесь велись работы, предусматривавшие его превращение в место базирования 115 боевых кораблей, в том числе – сорока субмарин (3, 34).

5 А. Колчак в ответ на американское предложение об аренде Нижнего Приамурья, заявил: «Родиной за патроны не торгуем».

В свою очередь Япония, на базе Южно-Маньчжурского минерального бассейна, создала крупный промышленный узел по производству вооружений и боевой техники⁶. В результате японский потенциал по всем позициям превзошёл советский. В таких условиях СССР следовало рассчитывать только на ускоренное развитие оборонного компонента, который мог стать единственным «инструментом» сдерживания агрессора. Решение этой задачи было возведено в ранг государственной политики. В 1930 г. вышло постановление «Об экономическом развитии Дальнего Востока», нацеленное на превращение этой территории в крупный оборонно-хозяйственный комплекс, который был бы способен не только остановить потенциального противника на пограничном рубеже, но и функционировать в условиях полной изолированности от Центра.

По объёму инвестиций Дальний Восток в 30-е гг. XX в. уступал лишь Центру и Уралу. Средства в основном направлялись в оборонно-индустриальный сектор. Большое значение придавалось развёртыванию предприятий по сборке и ремонту вооружений, боевой техники, транспортных средств. Не меньше внимания отводилось объектам строительной индустрии, которые обслуживали нужды фортификационного строительства и начавшуюся в 1932 г. генеральную реконструкцию Владивостокской военно-морской базы. Важнейшим оборонным объектом стал нефтеперерабатывающий завод в Хабаровске.

В связи с внешней угрозой для главных производственных центров Дальнего Востока, актуальным стал вопрос о создании крупного тылового узла, который мог бы выполнить при необходимости дублирующие функции. Таковым стал Комсомольск-на-Амуре, располагавший предприятиями исключительно оборонного значения – верфь, авиационный, нефтеперерабатывающий и сталелитейный заводы. Основанный в 1932 г., к 1939 г. он довёл численность своего военного и гражданского населения до 150 тыс. человек.

Не меньшую роль при преобладающем значении оборонного фактора приобрели реконструкция транспортной системы. В 1932-1940 гг. была осуществлена магистрализация Транссиба: его оконтурили ЛЭП, телефонные и телеграфные линии. Число колеи на отдельных участках увеличилось до десяти. От основной линии прокладывались отводные ветви. Одни из них шли к югу в направлении государственной границы, другие – в северном направлении для связи с Комсомольском и Байкало-Амурской магистралью.

Таким образом, в течение четвёртого этапа региональный геополитический потенциал был не только воссоздан, но и приобрёл несравненно больший функциональный «вес», чем в начале столетия. Общий прирост объёма производства тяжёлой индустрии на советском Дальнем Востоке составил 200 % (4, 64). Жизнеспособность Дальнего Востока существенно

6 К 1941 г. на заводах Шэньяна, Фушуня, Аньшаня, Чанчуня, Даляня и Порт-Артура и некоторых других городов Маньчжурии производилось от 10 до 15% военной продукции Японии.

возросла. Вместе с тем, вынужденный крен в сторону оборонного фактора обозначил и определённые недостатки развития региона.

Заметные коррективы в состояние геополитического потенциала внесла Великая Отечественная война. В 1941-1943 гг. сюда из Центра были переведены около ста предприятий тяжёлой индустрии, что позволило увеличить объём выпускаемой промышленной продукции в сравнении с 1930-ми годами на 50 %. Возле Владивостока был сооружён дубль-порт Находка, проведена реконструкция ориентированного на приём поставок по ленд-лизу порта Советская Гавань. Транспортная сеть дополнилась нефтепроводом Хабаровск–Комсомольск-на-Амуре. Ещё больше возрос интерес к недрам Дальнего Востока. С 1941 по 1945 гг. здесь было выявлено 150 месторождений сырья оборонного назначения.

Ставка Москвы на оборонный фактор полностью подтвердилась в августе-сентябре 1945 г., когда созданный за прошлые годы геополитический потенциал советского Дальнего Востока стал материальной основой для обеспечения грандиозной по размаху и эффективной по результатам кампании СССР против Японии. Сформированный потенциал разрядился таким мощным ударом, который полностью изменил геополитическую обстановку во всей Восточной Азии на обозримое будущее.

Очередной этап (1946 г. – 60-е годы XX в.) геополитического развития региона был обусловлен военно-политическими итогами Второй мировой войны. С её окончанием политическая картина мира претерпела принципиальные изменения. Во-первых, восток Европы оказался в советской зоне влияния, и там лихорадочно возникали просоветские режимы. Во-вторых, возникла мощная волна освободительного движения в колониях против метрополий. В-третьих, мир быстро поляризовался – на мировой арене сформировались две сверхдержавы, военно-экономическая мощь которых существенно превосходила мощь других стран. Плюс ко всему, интересы сверхдержав начали сталкиваться в различных точках земного шара, что вело к накалу так называемой «холодной войны». Не стала исключением из этого и Северо-Восточная Азия. Однако первая фаза «холодной войны» на Дальнем Востоке не попадала под признаки известного глобального противостояния.

После разгрома Квантунской армии и капитуляции Японии Советский Союз восстановил свои права на остров Сахалин и Курилы, возобновил присутствие в Северо-восточном Китае (порты Далянь и Порт-Артур, КЧЖД⁷). СССР вернулся к лучшей из тех территориально-политических позиций, которую Россия занимала в СВА до 1905 г. Оставалось распространить своё влияние на Корейский полуостров, который в 1945 г. был

7 КЧЖД (Китайско-Чанчуньская железная дорога) представляла собой административное объединение ранее раздельно управлявшихся КВЖД и ЮМЖД.

разделён державами-победительницами по 38⁰ с.ш. на две оккупационные зоны. Север Кореи политически ориентировался на экономическую помощь и военную поддержку СССР, а юг Кореи опирался на всестороннюю помощь США. Ситуация с Кореей, разделённой на две сферы влияния, вполне устраивала Москву, поскольку дальневосточный фронт противостояния с американским империализмом не был для СССР главным.

Схожих интересов в регионе придерживались и США. Официальный Вашингтон на первых порах не вводил Корею в разряд своих стратегических приоритетов, что было вызвано нежеланием администрации Г. Трумэна усиления конфронтации в Северной Пацифике. Однако уже к лету 1950 г., вслед за политическими изменениями в Китае, где победу одержали коммунисты, изменилась и американская позиция по этому вопросу. В Белом доме полагали, что если вслед за Китаем ещё и Корейский полуостров станет «красным», то военно-политическое присутствие США в регионе может оказаться под угрозой. Так проявилась основная геополитическая задача США – укрепление своего военного присутствия в регионе.

Однако другие акторы территориально-политических процессов в регионе имели отличные от сверхдержав цели. Крупнейшим из них был Китай. Перед началом Корейской войны (1953 г.) произошло объединение материкового Китая. 1 октября 1949 г. было провозглашено об образовании Китайской Народной республики. Несмотря на то, что Китай длительный период своей истории находился в состоянии государственного хаоса, однако к 1950 г. он уже обладал значительными материальными и человеческими ресурсами. Геополитические устремления возрождающегося гиганта были направлены на преодоление внешнеполитического забвения и выхода страны на ведущие позиции в Азиатском регионе. Вступление КНР в войну (19 октября 1950 г.) не только спасло от полного разгрома находившуюся в критическом положении КНДР, но и позволило Китаю вернуть себе статус великой азиатской державы.

В начале 50-х гг. советско-китайские отношения отличались высочайшей степенью интеграции и доверия, умноженной на единство политических взглядов и идеологических установок. В эти годы обозначилась тенденция сращивания потенциалов приграничных территорий СССР и КНР. Это позволяло создать трансграничное образование с огромным экономическим потенциалом, которое могло дать адекватный ответ на объединение возле границ союзников объединённой военной мощи США, Японии и Южной Кореи.

Однако смерть И.В. Сталина в 1953 г. обнажила ранее сдерживаемые его авторитетом идеологические противоречия. По мере их обострения между Китаем и СССР, ухудшались и межгосударственные взаимоотношения. В китайской пропаганде все активнее стали выдвигаться территориальные притязания. Пекин выдвинул тезис о том, что царская Россия

захватила более 1,5 млн. км² «исконно китайских земель». В июле 1964 г. Мао Цзэдун в беседе с японской делегацией заявил: «Примерно сто лет назад район к востоку от Байкала стал территорией России, и с тех пор Владивосток, Хабаровск, Камчатка и другие пункты являются территорией Советского Союза. Мы еще не представляли счета по этому реестру» (2, 64). В середине 60-х гг. Советский Союз был окончательно возведен в статус врага. IX съезд ЦК КПК, состоявшийся в апреле 1969 г., закрепил антисоветские акценты во внешней политике КНР.

На всей 7520-километровой советско-китайской границе стали возникать инциденты, которые постепенно приобретали опасную остроту. Кульминацией стал пограничный вооруженный конфликт на острове Даманский на реке Уссури. Он оказался самым серьезным в истории советско-китайских отношений пограничным инцидентом, который едва не перерос в полномасштабную войну⁸.

Динамику советско-китайских взаимоотношений в 60–70-е гг. невозможно оценивать без учёта фактора международной обстановки в целом и политики США в частности. Не случайно именно тогда получили широкое распространение как в отечественной, так и зарубежной дипломатической теории концепции «треугольника», в рамках которого рассматривался весь комплекс связей США-СССР-КНР. Её суть сводилась к одному: все три «угла» имели определенный политический, военный, экономический вес, который, однако, не позволял ни одной из сторон доминировать в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Превосходство могло быть обеспечено только объединением двух «углов» против третьего. К её достижению стремились все три игрока – США, СССР и КНР.

В свете этого инициатива сближения США и КНР представляется обоюдно. Америка рассматривала «дружбу» с коммунистическим Китаем как раскол советско-китайского «монолита», устранение опасности совместных действий двух социалистических государств на мировой арене. Китаем сближение с США воспринималось исключительно как форма борьбы с СССР: «...по существу, мы выступаем главным образом против того самого реального врага, каким является социал-империализм советских ревизионистов... из двух гегемонов мира, в конечном счёте, один – Советский Союз – является самым прямым, самым опасным и самым реальным в настоящее время» (2, 77).

Итак, на рубеже 60–70-х гг. СССР оказался перед лицом серьезной опасности, возникшей в связи с установлением и развитием американо-китайских отношений. В этой связи советско-китайские отношения ещё более усложнились. Геополитическая обстановка для СССР в США вернулась к состоянию 30-х гг. XX в. На первый план выдвинулся

8 Пограничный конфликт на острове Даманский продолжался со 2 по 16 марта 1969 г. В этих боях погибло в общей сложности 58 советских пограничников и военнослужащих; 94 человека было ранено. Потери китайской стороны составили около 600 человек (5, 358).

оборонный фактор, что нашло отражение в правительственном постановлении «О мерах по дальнейшему развитию Дальнего Востока» от 1967 г. Им предусматривались мероприятия, уже успешно апробированные в прошлом в противостоянии с Японией: наращивание демографического и военного потенциалов региона, пространственная диверсификация транспортной сети.

70-е гг. XX в. стали началом очередного этапа в развитии геополитической ситуации в регионе Северо-Восточной Азии. Этот временной отрезок имел существенные отличия от предыдущего. «Горячая» фаза «холодной войны» была преодолена с ничейным результатом и трёхстороннее противостояние приняло долгосрочный позиционный характер. К тому же это состояние укреплялось наличием у всех участников ядерного оружия, что несомненно удерживало от соблазна прямых вооруженных столкновений. Однако, несмотря на отсутствие существенных политико-территориальных изменений, в регионе значительно изменился баланс сил. В стратегическом треугольнике США-КНР-СССР Советский Союз явно уступал своим оппонентам по уровню своего геополитического потенциала.

Кроме того, рост американского влияния в регионе усиливался созданием так называемой американо-центристской системы безопасности, которая основывалась на системе двусторонних договоров США с Японией, Республикой Корея, Таиландом и др. Центральным звеном этой системы выступал японо-американский альянс. В 80-е гг. этот союз укрепился военно-стратегическим партнёрством с Сеулом. Бурный экономический рост Японии и Южной Кореи позволил США создать «малый» стратегический треугольник Вашингтон-Токио-Сеул, деятельность которого имела целиком антисоветскую направленность.

Ситуация осложнялась наличием в советско-японских межгосударственных отношениях территориального спора о принадлежности двух самых крупных островов Большой Курильской гряды, острова Шикотан и всех остальных островов Малой Курильской гряды (Хабомай), которых в общей сложности насчитывается 18 (12, 214). Все попытки японских дипломатов решить эту проблему понимания у советского руководства не находили. Советский Союз не мог создавать прецедент территориальных уступок из-за чрезвычайной остроты пограничных проблем с КНР. В ответ Япония сформулировала принцип нераздельности политики и экономики, согласно которому развитие отношений между двумя странами ставилось в прямую зависимость от решения этой проблемы.

В отличие от Европы, где блоковой политике США противостояла Организация Варшавского Договора, на Дальнем Востоке СССР не имел объективной возможности реализации подобной модели. Для обеспечения должного оборонного уровня региона, СССР уже в 1980 г. требовалось увеличить капиталовложения в него в 3 раза по сравнению с

1978 г. Данная задача была бы и в более благоприятных условиях практически невыполнимой, а Советский Союз к этому времени уже начал испытывать первые признаки социально-экономического кризиса. Ежегодные темпы прироста ВРП к началу 80-х гг. сократились до 3,2 % (в среднем по СССР – до 4,8 %), стоимость промышленного импорта из западной части страны в 1,8 раза превысила стоимость регионального экспорта. В сочетании с неизбежным сокращением дотационного финансирования из Центра и жёстким внешним давлением, эта ситуация грозила полным развалом регионального геополитического потенциала и серьёзнейшими социально-экономическими потрясениями.

Современный седьмой этап развития геополитических интересов России характеризуется кардинальной перегруппировкой сил и становлением многополярной системы международных отношений во всём Азиатско-Тихоокеанском регионе. Толчком к началу этих изменений стало окончание «холодной войны» и исчезновение с политической карты Советского Союза. Россия, как правопреемница СССР, осталась «сверхдержавой» только благодаря своему ракетно-ядерному потенциалу. Однако в региональной дипломатии это малозначимый фактор. Катастрофическое уменьшение регионального геополитического потенциала привело к тому, что «Россия пока в большей мере выступает в роли объекта, чем субъекта мировой и региональной политики» (13, 56).

Несмотря на то, что внутрисистемный кризис миновал, его разрушительное воздействие на социально-экономическое состояние российского Дальнего Востока ощущается до сих пор. Если оставить в стороне специфические проблемы сырьевой направленности экономики, то одной из наиболее болезненных тем является демографическая ситуация. За годы нестабильности население Дальнего Востока уменьшилось на 1570,2 тыс. человек, или 19,5 %, в том числе 1356,5 тыс. человек (86,4%) составили миграционный отток. На начало 2008 г. на всём Дальнем Востоке проживало всего лишь 6486,4 тыс. человек. Это меньше, чем было в регионе в 1976 г. Согласно прогноза ООН, демографическая кривая России и сейчас продолжает путь вниз, и численность населения в регионе к 2026 г. может составить всего 5,9 млн. человек (8, 11). Сокращение численности населения вызывает озабоченность не только с точки зрения хозяйственной жизни региона, в связи с разрушением сложившегося трудового потенциала и нехватки трудовых ресурсов, но и с позиций геостратегических и геополитических последствий, т.к. формирует новые угрозы национальной безопасности России в СВА на фоне усиления позиций других стран.

С окончанием глобального противостояния существенно усилились позиции Японии, которая определила свою стратегическую цель – занять позицию регионального лидера. Япония наравне с США остаётся значимым фактором международной политики в СВА.

Используя своё технологическое превосходство и экономическую зависимость отдельных стран, Япония воздействует на все политические процессы в регионе.

В решении этой задачи её главным оппонентом является Китай. Он переживает сейчас период стремительного перехода от статуса региональной державы к положению мировой сверхдержавы. Однако на этом пути у КНР немало трудностей: воссоединение с Гонконгом, проблема объединения с Тайванем, создание «китайского экономического пространства», включающего КНР, Тайвань, Гонконг, Сингапур и Макао (9, 151).

Северо-Восточная Азия является перекрёстком, на котором скрестились геополитические интересы наиболее мощных держав современного мира. Традиционная «горячая» или «холодная» война вряд ли снова станет инструментом решения сверхзадач. В одну реку не входят дважды. Однако существующая конкуренция за лидирующие позиции в регионе формирует настороженность в межгосударственных отношениях и консервирует застарелые территориально-политические споры. С другой стороны, усиливающиеся процессы глобализации и регионализации активизируют мощные экономические силы, направленные на интеграцию финансовых, сырьевых, трудовых, транспортных потоков в единую трансграничную систему.

Что же в конечном итоге одержит верх? Останутся ли геополитические противоречия «камнем преткновения» в отношениях стран СВА, или тяга к «экономическому благу» позволит сформулировать новую общую цель? Скорее всего ни то, ни другое. На современном этапе человечество формирует геоэкономическую версию геополитического развития, при этом сохраняя их топологическую сущность – достижения национальных (государственных) интересов. Действительно, трудно представить, что, реализуя проекты трансграничного сотрудничества, Япония, Республика Корея или Китай пожертвуют своими интересами в пользу России. Скорее они будут стремиться к максимальной степени реализации своих преимуществ. Как и обычная дружба, не всякое сотрудничество является по определению обоюдовыгодным. Возможны побочные эффекты: неравномерное экономическое развитие, усугубление имеющихся структурных изъянов хозяйственной системы, снижение уровня экономической безопасности страны и множество других нерешённых проблем. Однако от экономической интеграции странам Северо-Восточной Азии уйти не удастся. Какое же место в этом взаимодействии займёт Россия? Вопрос остаётся открытым.

Библиографический список:

1. Алексеев А.И. Геннадий Иванович Невельской. – М.: Наука, 1984. – 191 с.

2. Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. – М.: Международные отношения, 1990. – 351 с.
3. Гершуненко Е.М. Русские морские силы на Дальнем Востоке в 1905-1917 гг. / Народы Дальнего Востока в Дооктябрьский период истории СССР. – Отв. ред. А.И. Крушанов. – Владивосток: изд. ДВФ СО АН СССР, 1968. – С. 31-37.
4. Дальний Восток России: экономический потенциал / Под ред. П.А. Минакира. – Хабаровск, 1999. – 594 с.
5. Лавренов С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. – М.: АСТ; Астрель, 2003. – 778 с.
6. Ленин В.И. Доклад о внутреннем и внешнем положении республики на совещании актива московской организации РКП(б) / ПСС, изд. V, 1963. – Т. 41. – С. 338-341.
7. Ленин В.И. Речь на пленуме Московского Совета / ПСС, изд. V, 1970. – Т. 45. – С. 300-309.
8. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 года. / Стат. бюлл. ФСГС. М., 2008. – 236 с.
9. Саначёв И.Д., Шинковский М.Ю., Бурлаков В.А., Прохоров В.И. Военно-морская мощь как фактор геополитики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. – Владивосток: изд-во ДВГТУ, 2006. – 236 с.
10. Селищев А.С. Японская экспансия: люди и идеи. – Иркутск: изд. ИГУ, 1993. – 256 с.
11. Тарле Е.В. Крымская война. – М-Л.: изд. АН СССР, 1950. – Т. II. – 665 с.
12. Шинковский М.Ю., Шведов В.Г., Волынчук А.Б. Геополитическое развитие Северной Пацифики (опыт системного анализа). – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 338 с.
13. Яковлев А. Международно-политическая обстановка в Северо-Восточной Азии и положение России в регионе // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – № 2. – С. 3-16.